

ХУДОЖНИК И ВРЕМЯ

САМАЯ
ТРУДНАЯ
РОЛЬ

ЗВОНОК с киностудии:
— Ну как, вы согласны сниматься в нашей картине?
— Видите ли, пока я как-то не могу уловить, о чем она...

— Но ведь вы же читали сценарий — о летчиках.

— Да, но я-то во имя чего должен играть?

Тяжелая пауза. И потом ответ, полный по меньшей мере самого искреннего недоумения:

— Не понимаю. Вам дают главную роль в фильме, где будет воспет благородство профессии летчика... Артистам никогда не угодить. Вечно им что-нибудь не так.

Такие или примерно такие диалоги — не редкость в жизни актера. Они не только характеризуют узость взгляда некоторых наших собеседников, но и свидетельствуют о высоком уровне, на котором находится профессия советского артиста. Из бродячих комедиантов, озабоченных единственной проблемой — как-нибудь просуществовать, не умерев с голоду, люди этой профессии выросли за полвека в достойных граждан страны, в самостоятельно мыслящих творцов.

Конечно, и до революции были Мочалов, Комиссаржевская, Станиславский и многие другие замечательные актеры. Русскому искусству и раньше были присущи гражданственность, одухотворенность. Но это единицы в огромной армии «актер актеричей», скитавшихся по России в поисках куска хлеба...

С самых начальных своих шагов театр, рожденный великой эпохой революции, искал свое место в борьбе и строительстве, собственное эстетическое восприятие фактов, событий, явлений. А раз так, театр перестал быть случайно собранной труппой, пусть даже самой прекрасной. Он превращался в коллектив единомышленников, в собрание ярких индивидуальностей, разных человеческих личностей, объединенных идейными и художественными устремлениями. И актер в таком коллективе не просто исполнитель, а человек, знающий, во имя чего он выходит на сцену.

Когда-то мне довелось увидеть подряд два представления «Егора Булычова». Одно из них эффектно и красочно доказывало, что классу эксплуататоров приходит конец, о чем, впрочем, лично мне, родившемуся в 1917 году, к тому времени было доподлинно известно. В основном запомнилось огромное расписание Христа, почему-то возвышавшееся на сцене, хотя ни тогда, ни теперь я в точности не могу объяснить, в чем конкретно заключался смысл этого многозначительного символа.

Другой спектакль — в Вахтанговском театре — останется в памяти, кажется, до конца жизни. Я и сейчас вижу глаза Щукина, игравшего главную роль, и в них — боль, сострадание. Жажда постичь, помочь, осознание бесплодно прожитой жизни, после которой не останется никакого следа от его пребывания на земле столько десятков лет, — вот чем «болели» щуканские глаза, даже когда Булычов

куражился, балагурил, хохотал.

Можно ли сказать, что в этом спектакле показано «разоблачение капитализма»? Да, но только идея была выражена не плакатно, а в сложнейшем художественном образе. Личность Булычова — крупная, незаурядная, сильная — на наших глазах разрушалась, ибо рушилось его время. И эта человеческая трагедия, воссозданная на сцене большим художником, захватывала, волновала, звала к размышлению о смысле жизни, о ее истинных и мнимых ценностях. История, рассказанная Горьким, умножилась на человеческое неравнодушие Щукина, который вышел играть картины из прошлого во имя грядущего.

Не знаю, много ли сейчас у нас талантов, по масштабу эквивалентных этому замечательному строителю советской школы исполнительства, но щуканское понимание смысла нашей профессии исповедует большинство актеров. Может быть, именно оттого так богат наш театр актерскими индивидуальностями. Об этом всегда говорят во время встреч наши зарубежные коллеги.

И все-таки мы, актеры, недовольны сами собою. У нас до самой смерти не наступает минуты, когда можно свободно вздохнуть: сегодня я закончил работу. Этой естественной человеческой радости мы лишены: и премьера, и сотое представление — всего только этапы постижения человеческого духа, который граничит с чем-то.

Есть еще одна особенность нашего искусства: театр — дело коллективное, он зависит прежде всего от литературы. Без писательской мысли, без писательского слова актер — ничто, он смычок без скрипки. Эта зависимость особенно усложняется, когда нет обычного закулисного мерила «что бы ни играть, лишь бы играть», когда человеку, получающему даже большую роль, мало быть чьим-то рупором, надо еще, чтобы роль давала возможность высказаться о чем-то своим, сокровенным, важным.

А нам ныне драматурги преподносят пьесы или сценарии, где надо «воспеть благородство», как будто профессия летчика (в данном случае речь шла о ней) нуждается в нашей защите.

Потому-то и возникают зачастую такие или примерно такие диалоги, какой приведен

в начале статьи и какие приводят к выводу, что «актерам не угодить». Да, мы недовольны, когда драматурги скользят по поверхности фактов, явлений, человеческих судеб, когда нам дают в руки сантиметровую линейку для измерения расстояния в тысячу километров или вручают бинокль там, где для исследований едва хватает телескопа.

В своем восприятии времени, его противоречий, закономерностей и перспектив сегодняшнее искусство нередко отстает от самого времени по ритму, по знаниям, по оценке, по проникновению. Меня особенно беспокоят с этой точки зрения произведения, предназначенные для юного зрителя, который, хотим мы этого или не хотим, слишком часто оказывается умнее наших спектаклей. И в этом нет ничего удивительного: юные зрители — дети своего времени.

В их годы моим сверстникам радиоприемник казался головокружительным, недостижимым чудом. Мой сын считает космический корабль чем-то вроде велосипеда; его ровесники ходят в клуб физиков и математиков, где решают задачки, смысл которых мне не понять до конца жизни. Словом, как говорится, это уже не те дети, что были до 1917 года.

У нас же часто для детей, перефразируя известную горьковскую формулу, играют так же, как и для взрослых, только хуже. Им преподносят штампы «взрослой» драматургии — пьесы, изображающие нашу действительность упрощенно и поверхностно.

Маленький зритель воспринимает искусство непосредственно, он не способен делать скидку на то, что в пьесе «поднимается важная тема». Если на сцене прозвучала фальшивая нота, она сводит на нет весь благородный замысел авторов спектакля. Зрители неизбежно начинают скупать, роняя номерки, перешептываться.

«Уцененной» зачастую является на тюзовскую сцену и классика; ее здесь почитают как некое движущееся приложение к хрестоматии. На то, чтобы рассмотреть всамделишную корону или придворные туалеты, детям хватает десяти минут.

Конечно, очень важно, чтобы первое впечатление от искусства было ярким и осталось на долгие годы. Но воспитание художественного вкуса, чувства красоты — только одна сторона, хотя и существ-

венная. Какими уйдут юные зрители из театра? Заставили ли мы вместе с нарядной облаткой (а сценическое искусство нарядно по своей природе) потихонечку, ненавязчиво проглотить и такое лекарство, которое поможет им не совершить подлость, оценить честность? Одним словом, повлияет ли увиденное, услышанное на их человеческое формирование?

Так что вопрос о качестве спектаклей для детей и юношества, и в особенности о качестве драматургии, выходит, как мне кажется, далеко за пределы театральных аудиторий.

Конечно, спектакль, книга — не вакцина, при помощи которой можно одновременно излечить человека от нравственных пороков или навсегда привить ему мужество, доброту. Но возвышать человеческую душу, заряжать ее верой, потребностью созидания жизни — это искусству под силу. Особенно советскому, ибо в его распоряжении есть такие неисчислимы духовные богатства, которые накоплены поколениями на фронтах революции, гражданской и Великой Отечественной войн, на строительных площадках Будущего. Не распыляя, мы должны нести эти богатства дальше, как эстафету, от поколения к поколению.

Да, я, советский артист, хочу воспеть подвиг летчика, хирурга, революционера, коммуниста. Но при этом отдаю себе отчет: чтобы зритель поверил мне и моему герою, сегодня нужны сложные, глубокие измерения духовного мира современного человека, его психологии, его мировоззрения.

О чем мечтается артисту в эти дни, когда один за другим вспыхивают огни театральных подъездов, возвещая о начале нового, юбилейного сезона?

Конечно, о роли. О том, чтобы человек, какого мне доведется сыграть, прожил на сцене интересную жизнь, чтобы был он наделен не крыльями идеального героя, а мускулами бойца, чтобы на пути к подвигу он преодолел вместе со мной и зрителями земные трудности и человеческие противоречия, чтобы побеждал не глупых отрицательных персонажей, а сильных и умных идейных врагов, чтобы... Впрочем, можно ли предусмотреть и перечислить все, что касается живого человека?

И еще одного я желаю все-таки нашему славному актерскому цеху — не быть «спасателями» плохих ролей и средних пьес, когда любимое зрителями имя используется в качестве приманки. Думаю, что все мы едины в такой своей мечте. Пусть роль попадется трудная, очень трудная, самая трудная, до которой надо расти, дотягиваться и нам, актерам, и нашим зрителям. Мы согласны дотягиваться. Только пусть она будет, такая роль.

Е. ЛЕБЕДЕВ.

Народный артист РСФСР, артист Ленинградского академического Большого драматического театра имени А. М. Горького, г. Ленинград.